

К ПРОБЛЕМЕ КОНКУРЕНЦИИ СИСТЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ “ТРЕХ МОРЕЙ”

ДАВИД ОГАНЕСЯН, доктор, Чрезвычайный и Полномочный Посол,
директор Центра цивилизационных и культурных исследований при ЕГУ

Вводные замечания

1. Развитие коммуникационно-транспортных технологий привело к пока что не совсем осознанному изменению представлений времени и пространстве: пространство сжалось, время расширилось.
 2. Восприятие Земного шара как некоего глобального мира, любая точка которого достижима из любой другой, привело к возникновению глобализационных проектов, нацеленных на создание глобальных инфраструктур.
 3. Глобальные инфраструктуры требуют глобального руководства.
 4. Глобализационные проекты вступили в борьбу за руководство глобальным миром.
 5. Столкновение происходит не между цивилизациями, а между глобализационными проектами.
 6. Понятие “регион”, претерпев с течением времени достаточно серьезные изменения, все же сохранило свой традиционный смысл.
- Слово “регион” (лат. *regio*, род. падеж: *regionis*) буквально означает “область, район”. Энциклопедические словари дают следующее определение этого слова: территория или акватория, в некоторых случаях довольно большая по своим размерам, не обязательно являющаяся таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения. Изменения, происходившие в историческом аспекте, были связаны с развитием средств коммуникации – транспорта и связи. Следует учитывать, что в древние времена представления о мире были ограничены представлениями различных цивилизаций о границах обитаемого мира, и, таким образом, древняя Римская империя, например, и не подозревала о существовании такой мощной цивилизации, как китайская, или о таких материках, как американский или австралийский.

Естественно, что с точки зрения римлян регионами являлись те географические единицы, которые уже в 4-ом веке н. э. воспринимались как субрегионы.

Развитие мореплавания и судоходства, а также освоение новых сухопутных путей весьма значительно повлияло на развитие понятия “регион”. Несколько огрубляя, можно сказать, что усовершенствование средств передвижения и связи, в конечном счете, приводит к укрупнению регионов. Наконец, к середине 19-го в. начинает формироваться тот смысл понятия “регион”, который, с некоторыми изменениями, и был в ходу до последнего времени.

Приведенное выше словарно-энциклопедическое определение понятия “регион” ничего не дает с точки зрения понимания его существенных характеристик. Однако в экономической, политической, политологической и разного другого рода литературе понятие “регион” получило довольно четкое определение, особенно в тех случаях, когда упоминаются географические характеристики – Юго-Восточная Азия, Центральная Европа, Средиземноморье, Южный Кавказ и т. д. При определении региона с подобной точки зрения существенными характеристиками становятся региональное культурное и языковое сходство, политические и экономические связи, наличие общих инфраструктур и пр.

В глобальном мире, где пространство, удаленность уже не играют существенной роли для развития связей, где существует множество мировых инфраструктур (Интернет, банковская система, спутниковое телевидение, мировой рынок, транснациональные компании и пр.), где в результате миграционных процессов этносы и религиозные общины, выйдя за пределы своих естественных ареалов, распространяются по всему Земному шару, создавая своего рода естественные мировые сетевые системы (например, китайцы, евреи, поляки, армяне, греки, арабы и т. д., а также сунниты, индуисты, католики и т. д., или же – филателисты, гурманы, путешественники и т. д.), формируется иное, в некотором смысле “виртуальное”, определение понятия “регион”, которое, не входя в противоречия с традиционным, позволяет наполнить его новым содержанием. В качестве основной единицы определения выбирается базовая ценность – общая и доминантная для данного виртуального региона.

Если отметить на карте мира все те географические точки, где имеются цивилизационные структуры, связанные с реализацией, “овеществлением” той или иной базовой ценности, то мы получим карту данного конкретного региона.

Очевидно, что и виртуальный регион имеет свою специфическую проблематику, связанную с обеспечением нужд безопасности.

7. Предлагаемая к рассмотрению концепция “Система трех морей” базируется как на традиционном геополитическом, так и на ценностном понимании термина “регион”.

8. Процесс гомогенизации систем ценностей, в котором очень важную роль сыграли авраамические религии, берущий свое начало еще с античных времен, на протяжении веков вобрал в себя ареалы трех морей.

*
* *
*

Вероятно, нет особой надобности останавливаться на тех событиях, которые происходили в течение последних десятилетий в Средиземноморском регионе. Достаточно констатации того факта, что преобладающей силой здесь является НАТО и что некоторые противоречия, существующие между евроатлантизмом и европеизмом, не могут иметь существенного влияния на систему управления процессами. З. Бжезинский пишет: “НАТО не только обеспечивает основной механизм осуществления американского влияния в европейских делах, но и является основой для критически важного с точки зрения политики американского военного присутствия в Западной Европе... Реальный выбор в пользу объединенной Европы потребует осуществления далеко идущей реорганизации НАТО, что неизбежно приведет к уменьшению главенствующей роли Америки в рамках этого альянса”¹.

Включение ряда черноморских государств в состав НАТО полностью изменило геополитическую картину этого региона.

Установление контроля над бассейном Черного моря является одним из необходимых условий реализации американского глобализационного проекта и, таким образом, одним из наиболее важных военно-политических проектов Соединенных Штатов, поскольку евроатлантическое, т. е., в основном американское, присутствие здесь, соответствующее интересам европейских союзников, позволяет активнее реализовывать следующую фазу формирования целостной системы “трех морей” (Средиземного, Черного и Каспийского). Содержание этой фазы целостного проекта самым непосредственным образом зависит от решения задачи предыдущей фазы – обеспечения военно-политического подчиняющего превосходства – и формулирует в качестве цели создание инфраструктур, объединяющих вышеуказанные три моря в единую целостную систему.

Приоритетность здесь, наряду с военным присутствием, принадлежит транспортно-коммуникационным инфраструктурам, в первую очередь, различного типа трубопроводам и транспортным системам, первейшим назначением которых является обеспечение переброски в Европу углеводородных ресурсов стран бассейна Каспийского моря.

¹ З. Бжезинский. Великая шахматная доска, М., 1999, сс.65–66.

Очевидно, что построение “системы трех морей” позволит обеспечить энергоносителями динамичное развитие экономик стран Европейского Союза и вместе с тем ликвидировать их зависимость от поставок нефти и газа Россией. Очевидно также, что направлением потоков энергоносителей в Европу, можно ограничить объемы поставок энергоресурсов Китаю, который испытывает в них острую необходимость. Ограничение поставок энергоносителей из стран бассейна Каспийского моря создаст серьезнейшие проблемы для стремительно развивающейся и не слишком модернизированной, а потому весьма энергоемкой китайской экономики. Напомним, что ежегодно потребность Китая, к примеру, в нефти возрастает приблизительно на 20 %.

Следует также отметить, что осознание актуальности реализации проекта под названием “система трех морей” придает новый смысл деятельности НАТО, так как именно Североатлантическому союзу предназначено обеспечение безопасной и бесперебойной работы создаваемых инфраструктур, что актуализирует и логически обосновывает перспективу дальнейшего расширения этой организации.

Однако, отмечая геополитическую целостность “системы трех морей” и актуальности соотнесенности и синергичности действий внутри нее и, таким образом, возможности возникновения проекта под таким названием, следует подчеркнуть, что в плоскости реализации данного проекта существуют серьезнейшие проблемы. С точки зрения тенденций, присущих американским глобальным геополитическим проектам, они связаны, в первую очередь, с обеспечением в бассейнах Черного и Каспийского морей именно единоличного американского, а не натовского господства.

В эпоху Холодной войны Черное море являлось зоной советского влияния, ограниченного турецким контролем над проливами, т. е. зона советского влияния кончалась там, где начинались территориальные воды члена НАТО Турции. Однако преимущество Советского Союза и его союзников, в первую очередь, их военно-морских сил здесь было бесспорно, что обеспечивало политические и экономические интересы стран – членов Совета экономической взаимопомощи. Однако после вступления Болгарии и Румынии в НАТО ситуация полностью изменилась: здесь возникли две новые натовские военно-морские базы, что в значительной степени уменьшило возможности России контролировать развитие процессов в акватории Черного моря.

Следует подчеркнуть, что Россия пока что не смогла создать какую-либо более или менее приемлемую альтернативу Севастопольской военно-мор-

ской базе², а также то, что под непосредственным контролем Москвы находится очень ограниченный отрезок черноморского побережья.

Однако самая мощная на сегодняшний день черноморская держава Турция также сталкивается с серьезными проблемами. С первого взгляда может показаться, что именно в этом регионе Анкара спокойно решает все вопросы: Черное море превратилось в зону почти подавляющего превосходства НАТО, в котором роль Турции достаточно велика³. Однако существующие противоречия, связанные, в первую очередь, с политикой, проводимой правительством Эрдогана, неоднократно давали о себе знать и особенно выпукло проявились во время августовской войны 2008 г.

Разместив военно-морские базы в Румынии и Болгарии, НАТО планирует создание еще одной базы в Батуми, что наталкивается на сопротивление как России, так и, по всей видимости, Турции.

Осознание ограниченности углеводородных ресурсов привело к активизации в сфере продвижения инфраструктурных проектов, которых возникло великое множество и в которых нагляднейшим образом проявилась борьба между геополитическими фигурами. Некоторые из этих проектов уже реализованы, вокруг остальных идет острая борьба.

Проложенная по дну Черного моря магистраль “Голубой поток” связывает российские газовые месторождения с турецкими потребителями (ежедневно более 27 млн кубометров, а при необходимости – около 34 млн кубометров, как это было в тех случаях, когда Иран снижал объемы своих поставок газа).

В 2007 г. Румыния, Сербия, Хорватия, Словения и Италия с участием представителя ЕС подписали договор, согласно которому должен был быть построен нефтепровод через территории этих стран из румынского порта Констанца в итальянский Триест. На первом этапе предусматривалась транспортировка нефти танкерами из Джейхана (Турция) в Констанцу, что

² Срок ее аренды завершается в 2017 г., а новая – Новороссийская, которая по своим параметрам значительно уступает Севастопольской, – будет сдана в эксплуатацию не ранее 2020 г.

³ Наблюдатели отмечают, что в последние годы турецкое правительство последовательно ужесточает правила прохождения танкеров через проливы, обосновывая это требованиями безопасности и необходимостью решать экологические проблемы. Суда длиной более 200 м могут проходить через проливы только в дневное время при условии обеспечения одно-стороннего движения. Судходство по причине скапливания большого количества кораблей стало небезопасным. По этим причинам компании несут большие убытки, вследствие чего растут цены на перевозку грузов, что, в свою очередь, влияет на рентабельность российских черноморских портов Новороссийск и Туапсе: деятельность этих портов ограничивается, в основном, акваторией Черного моря.

позволило бы Анкаре стать более значимым игроком в сфере глобальной энергополитики.

Цель строительства трубопровода “Констанца–Триест” та же, что и у других проектов – “Бургас–Александропулос” и “Самсун–Джейхан”, – обойти Босфор, Мраморное море, Дарданеллы и выйти в Средиземное море.

Но идея проекта “Констанца–Триест” несколько шире: не только обойти два узких пролива, но и по пути забросить нефть на ряд НПЗ, расположенных на Балканах.

Согласно сайту “*Oilnews*”, в феврале 2011 г. Россия подтвердила свою заинтересованность в участии в этом проекте, который позволит осуществить поставку в Европу около 90 млн т сырой нефти ежегодно. Стоимость проекта оценивается в 2,3–3,5 млрд долларов США. Нефтепровод “Констанца–Триест” будет подключен к трансальпийскому нефтепроводу “*TAL*”, что позволит поставлять нефть также в Австрию и Германию. Еще одно ответвление свяжет нефтепровод с нефтеперерабатывающими заводами Северной Италии⁴. Казахстан, который с введением в строй месторождения Кашазан получит возможность дополнительно экспортировать более 50 млн т нефти ежегодно, также заинтересован в участии в данном проекте.

На протяжении последних нескольких лет в Астане, Баку, Ашгабаде, Тбилиси, а также в некоторых европейских городах проходили закрытые совещания, целью которых было достижение договоренностей относительно формирования каспийского энергетического коридора, который бы соединил центральноазиатские трубопроводы с азербайджанскими и через территорию Грузии перебрасывал каспийские нефть и газ в Турцию, а оттуда в Европу.

Однако все более усложняющиеся американо-турецкие отношения ставят под вопрос реализацию этого давно уже обсуждаемого проекта в обозначенном формате. Противоречия действительно достаточно серьезные и берут начало с отказа Анкары содействовать Соединенным Штатам в Ираке. Надо отметить и постоянное противодействие Анкары Соединенным Штатам в их стремлении увеличить свое военное присутствие в Черном море, и осторожность в отношениях с Ираном, и противодействие американскому стремлению открыть границу Турции с Арменией, и раздражающие Вашингтон попытки играть роль посредника в различных конфликтах. Следует особо подчеркнуть идущую в разрез с интересами США политику Турции в отношении Израиля, ломающую сложившуюся схему опоры Соеди-

⁴ Румыния рассчитывает на Россию в проекте нефтепровода Констанца–Триест, 04.03.2011 (<http://oilnews.com.ua/news/article9053.html>).

ненных Штатов на двух своих постоянных союзников в мегарегионе. Иначе говоря, претензии Анкары на роль глобальной геополитической фигуры и реализация ею проектов в этом направлении серьезнейшим образом настораживают США, поскольку зачастую вступают в противоречие с американскими планами.

Следует особо отметить резко отрицательные последствия в определенной степени дезориентировавшей политическое руководство США политики Турции в отношении некоторых арабских стран, в первую очередь, Сирии.

Именно это поведение Турции заставило Соединенные Штаты вплотную приступить к формулированию двух новых проектов.

Первый из них задуман давно, но его реализация столкнулась с серьезнейшими проблемами, вызванными как финансовым кризисом, так и сопротивлением России. Его целью является нахождение новых союзников, готовых предоставить свою территорию для обеспечения большего американского присутствия на Черном море.

Второй проект имеет энергетический характер и предусматривает строительство нового трубопровода (название еще не совсем ясно: если он будет проходить через Румынию, то – *GREU*, если же через Украину – *GUEU*).

Информация о новом трубопроводе ставит под вопрос реализацию проекта *NABUCCO*. Можно заметить, что большая часть этих бесконечных программ и проектов никогда не будет реализована, поскольку все они вступают в противоречие с другими такими же, но вброшенными из другого источника. Слишком много препятствий необходимо преодолеть, слишком сильно противодействие, основная причина которого – хаос и неопределенность в соотношении векторов влияния.

Дж. Фридман отмечает, что американская армия находится в процессе завершения своего отступления из Ирака, и Иран стремительно превращается из маргинальной силы в доминирующую.

Вне всякого сомнения, после вывода войск из Ирака руководство этой страны будет стремиться выстраивать свою политику в соответствии с американскими интересами. Однако совершенно ясно, что Тегеран будет иметь огромное влияние в Багдаде – до такой степени, чтобы блокировать любые неугодные ему иракские инициативы. Это влияние будет усиливаться, так как иранская сила рядом, а американская удаляется и становится всё более дистанцированной.

События, которые стали известны под весьма спорным названием “Арабская весна”, также продемонстрировали хаотичность процессов в мегарегионе.

Однако можно отметить то, что мегапроект “Система трех морей” постепенно осознается именно как единый, целостный. Его фигурирование под различными названиями – “Большой Ближний Восток”, “Расширенная Европа” – отражает недостаточность осознания базовости “трехморской” системы.

В заключение следует отметить, что “система трех морей” имеет подстраивающиеся к ней подсистемы, к примеру – Аравийское море через Суэцкий канал.

Китайский глобализационный проект реализуется не только через активизацию Пекина в бассейне Каспийского моря, но и путем усиления китайских позиций в Аравийском море и Персидском заливе. Китайско-пакистанское и китайско-иранское тесное сотрудничество заставляет оценивать китайский глобализационный проект как один из наиболее конкурентных.

В качестве иллюстрации – сюжет, связанный с операцией по уничтожению Усамы бин Ладена. Для выполнения этого задания американские командос нарушили суверенитет Пакистана и вторглись на его территорию, что, естественно, вызвало протест правительства этой страны. Соединенные Штаты ясно продемонстрировали свое недовольство действиями пакистанских властей и полное отсутствие доверия к нему. Реакция Китая последовала незамедлительно. Несколько заявлений, сделанных руководителями страны, показали недовольство и озабоченность угрозами США в адрес Пакистана. Последовал совет Вашингтону уважать суверенитет Пакистана, и было добавлено, что любое нападение на Пакистан будет рассматриваться как нападение на Китай. Практически, Соединенным Штатам был представлен ультиматум, что нельзя назвать беспрецедентным явлением (события вокруг Тайваня).

Еще резче звучат заявления китайского руководства в связи с политикой США и Израиля в отношении Ирана.

Следует отметить, что несмотря на жесточайшее информационное давление, оказываемое не только на ИРИ, но и на другие страны региона, имеющее целью замкнуть кольцо блокады вокруг этой страны, национальные интересы и опасность полной дестабилизации региона позволяют региональным игрокам артикулировать, хотя и не очень отчетливо и весьма аморфно и боязливо, основные принципы системы общерегиональной безопасности.

Глобальные противоречия внутри и вокруг “системы трех морей”, постоянно нарушаемое шаткое равновесие сил вокруг основных коммуникационных узлов приводят к генерированию все новых и новых моделей и конфигураций, нацеленных на создание системы безопасности, обеспечивающей превосходство того или иного глобализационного проекта. Однако процессы развиваются слишком быстро и достаточно спонтанно, так что эти конфигурации и модели устаревают прежде, чем предпринимаются реальные шаги по их воплощению в жизнь, что не всегда осознается центрами принятия решений, вследствие чего они продолжают тратить время и ресурсы на реализацию деактуализованных проектов.

Вышеизложенное позволяет сформулировать несколько выводов:

1. Существующая система координации действий и согласования решений соответствует реалиям доинтернетовской эпохи. Процессы развиваются быстрее, информация распространяется стремительнее, а механизмы принятия решений остались прежними – медленными и очень бюрократическими, а потому – весьма неэффективными.
2. Сталкивание и конкуренция различных глобализационных проектов создают зоны напряжения, которые насыщены замороженными, латентными или же находящимися в горячей стадии конфликтами. Все эти конфликты в представлении основных геополитических фигур являются необходимыми инструментами для продвижения своих интересов.
3. Наибольшую актуальность приобретают такие конфликты, которые находятся территориально близко к зонам наибольшей напряженности. К их числу следует отнести зону Кашмира, Иран, индо-китайскую границу и пояс между Афганистаном, с одной стороны, и Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном – с другой.
4. Обострение ситуации вокруг Сирии и Ирака может заставить Иран активизировать свои действия по защите своих интересов, в первую очередь, для обеспечения стабильности так называемого “шиитского пояса” (Иран, Ирак, Сирия, Ливан), что может повлечь за собой возникновение напряжения на турецко-иранской и ирако-иранской границах и, как следствие, актуализацию курдского фактора.
5. Августовская война значительно снизила напряжение в субрегионе Южного Кавказа.

ON THE PROBLEM OF SECURITY SYSTEMS' COMPETITION
IN THE LIGHT OF "THE THREE SEAS" CONCEPT

DAVID HOVHANNISYAN, Dr., director of the Center for Civilizational and Cultural Studies at Yerevan State University, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary

SUMMARY

The existing system of action coordination and solution harmonization corresponds to the realities of the pre-Internet era. Processes develop faster, information spreads rapidly, but the decision-making mechanisms have remained the same.

The clash and competition of different globalization projects create tension zones full of frozen, latent or hot-stage conflict. All of these conflicts are essential tools for the major geopolitical figures to promote their interests.

The conflicts geographically closer to the greatest tension zones are of much topicality. Thus, August war has significantly reduced the tension in the South Caucasus sub-region.